

Мин Чунь и Тан Сюэ какие-то странные

Те Хэнцю догадывался, что ему позволили остаться на Пике Ста Чжанов во многом благодаря его умению ухаживать за драгоценными духовными сливами, поэтому он не смел лениться.

В эти дни он вставал ещё до рассвета.

Едва солнце показывалось из-за гор, он уже брал отточенные ночью серебряные ножницы и принимался за обрезку.

Под лучами солнца он подносил лезвия к дереву, делая косой срез, оставляя пенёк в два пальца шириной, и трижды обвивал его специальной верёвкой. Срезанные ветви он раскладывал по отсекам в бамбуковой корзине, сортируя по толщине, а самую тонкую заворачивал в промасленную бумагу.

В этот момент за его спиной раздался мягкий голос: «Что ты делаешь?»

Те Хэнцю обернулся и увидел Тан Сюэ.

Он улыбнулся: «Я подумал, что эти ветви, хоть и срезаны, всё же принадлежат столетней духовной сливе, и выбрасывать их жаль. Хотел спросить разрешения у Юэ-цзуня, можно ли привить их к диким сливам на пике. Я слышал, Юэ-цзунь очень любит духовные сливы, а найти хорошее дерево трудно. Может, это доставит ему немного радости».

Тан Сюэ удивлённо улыбнулся: «А ты весьма сообразителен, даже об этом подумал».

Те Хэнцю, глядя на Тан Сюэ, который мог свободно входить и выходить из павильона, завидовал ему. «Конечно, мне нужно быть сообразительным, чтобы продвинуться по службе», — подумал он.

Он редко видел Тан Сюэ, и сегодня, воспользовавшись случаем, решил его расспросить: «Сегодня такая редкость — увидеть старшего брата Тан Сюэ».

«Сегодня новолуние», — поднял бровь Тан Сюэ.

Новолуние!

Сердце Те Хэнцю сжалось.

Он прекрасно знал, что это за день.

Каждое новолуние ученики с главного пика приносили в павильон Отвар снежной души.

В это время Мин Чунь, которого обычно не было видно, выходил из павильона с метлой и начинал подметать снег.

А Тан Сюэ разжигал печь для чая.

Обычно пустынный двор перед павильоном наполнялся жизнью.

Те Хэнцю стоял в стороне, и его охватило странное чувство.

Он вспомнил, как в каждое новолуние, принося отвар, он видел ту же картину: Мин Чунь подметает снег, Тан Сюэ готовит чай — всё было так мирно и спокойно.

Он думал, что это обычная жизнь в павильоне, но теперь, поразмыслив, понял, что что-то не так.

Это... это...

Та картина, которую он считал повседневной, на самом деле повторялась лишь раз в месяц, в новолуние?

Тогда... тогда это...

Это больше походило не на «повседневность», а на «представление»?

И если так, то какова цель этого представления?

Те Хэнцю покачал головой и крепче сжал серебряные ножницы.

Он посмотрел в сторону каменных ступеней. И действительно, оттуда донеслись чёткие, размеренные шаги.

Принесли отвар.

«Как точно по времени», — подумал Те Хэнцю, нахмурившись.

Раньше он лишь смутно что-то подозревал, но теперь был уверен — всё это неслучайно.

Мин Чунь и Тан Сюэ, однако, спокойно занимались своими делами, словно так было всегда.

Те Хэнцю, не желая привлекать к себе внимание, тоже сделал вид, что ничего не происходит, и продолжил обрезать ветви, думая: «Раз я больше не на главном пике, кто же теперь приносит отвар?»

Ножницы в его руках замерли. Он бросил быстрый взгляд на ступени и увидел... старейшину Хэ из Зала Правосудия и Хэ Чуми!

«Почему старейшина лично принёс отвар? — удивился Те Хэнцю. — Странно!»

Но тут же догадался: «Наверное, из-за того, что я несколько дней назад устроил здесь переполох».

Помня, что он должен изображать скромного и послушного младшего брата, он опустил голову и принялся за работу, делая вид, что боится старейшину Хэ.

Старейшина Хэ, однако, прошёл мимо, даже не взглянув на него, и направился прямо к павильону.

Но Хэ Чуми, шедший за ним, не удержался и бросил на Те Хэнцю быстрый взгляд, словно хотел что-то сказать, но в итоге лишь опустил голову и молча последовал за старейшиной.

Подойдя к павильону, старейшина Хэ достал из сумки из семени горчицы сливовое дерево и поклонился: «Юэ-цзунь, люди из Зала Правосудия потревожили ваш покой. Я принёс вам духовную сливу в качестве извинения».

Дверь павильона открылась, и оттуда донёсся ленивый голос Юэ-цзуня: «Старейшина, вы преувеличиваете. Это была всего лишь детская ссора, не стоит обращать внимания. Прошу, входите».

Раньше Те Хэнцю привык к такому высокомерному тону Юэ-цзуня.

Но теперь, зная, что тот на пятнадцать-шестнадцать лет младше него, а говорит о «детской ссоре», ему стало немного смешно.

Старейшина Хэ был намного старше Юэ-цзуня, но в его присутствии должен был вести себя как младший.

Юэ-цзунь был молод, но его статус был высок, и он мог говорить со всеми свысока.

Конечно, все относились к нему с таким почтением не из-за его статуса, а из-за его меча.

С таким мастерством он мог бы править в мире совершенствующихся, даже не будучи сыном Юэ Лофу.

Хэ Чуми вошёл в павильон за старейшиной и осторожно поставил на стол Отвар снежной души.

«Отвар доставлен, — сказал старейшина Хэ, повернувшись к Хэ Чуми. — Можешь идти, у меня есть разговор с Юэ-цзунем».

«Слушаюсь», — Хэ Чуми поклонился и, дойдя до двери, вышел.

Выйдя из павильона, он вздохнул с облегчением и невольно посмотрел в сторону Те Хэнцю.

Тот всё ещё стоял под сливовым деревом с ножницами в руках, сосредоточенно обрезаю ветви. Однако краем глаза он уже заметил Хэ Чуми. Когда тот направился к нему, он уже всё просчитал, но на лице не дрогнул ни один мускул.

«Младший брат, ты... в порядке?» — подойдя, тихо спросил Хэ Чуми.

Те Хэнцю поднял на него глаза, отложил ножницы и сказал: «Я в порядке. А вот ты как? Четвёртый старший брат, я за тебя беспокоюсь!»

Хэ Чуми замер и горько усмехнулся: «Ты сам в беде, а ещё за меня беспокоишься! Эх, ты, ты...»

«Четвёртый старший брат, тебе правда не о чем беспокоиться!» — бодро улыбнулся Те Хэнцю.

Хэ Чуми посмотрел на него влажными глазами и понизил голос: «Это я вовлёк тебя в это дело, я виноват».

«А! — с удивлением подумал Те Хэнцю, глядя на Хэ Чуми. — Этот заносчивый старший брат и вправду такой дурачок? Такой наивный и богатый красавчик, неудивительно, что Хай Цюншань так хочет заполучить его».

Но вслух он с простодушным видом сказал: «Четвёртый старший брат, о чём ты? Я не понимаю».

Хэ Чуми покачал головой: «Ты слишком наивен, я не знаю, как тебе объяснить. Дела в школе очень запутаны, тебе не понять».

Те Хэнцю изобразил на лице выражение, подобающее «наивному» человеку, и, моргнув своими круглыми, с опущенными уголками глазами, невинно посмотрел на Хэ Чуми.

Видя его таким, Хэ Чуми почувствовал ещё большую жалость и горько усмехнулся: «Ты был личным учеником на главном пике, у тебя было блестящее будущее. А теперь ты вынужден здесь быть учеником-чернорабочим, обрезать сливы, подметать двор... Мне очень жаль».

«Что ты, старший брат! — сказал Те Хэнцю. — Мне здесь очень нравится».

Он говорил это искренне, его глаза были чисты, и было видно, что он нисколько не жалуется на свою судьбу.

Хэ Чуми замер и с недоверием спросил: «Ты... ты правда не чувствуешь себя обиженным?»

«Старший брат, ты зря беспокоишься, — улыбнулся Те Хэнцю. — На главном пике, конечно, хорошо, но там слишком много правил. Здесь мне свободнее. Да и обрезать сливы, подметать двор — не так уж и плохо. По крайней мере, это помогает мне успокоиться и подумать о своём пути».

Глядя на его спокойное лицо, Хэ Чуми был потрясён. «В мире совершенствующихся ещё существуют такие простые и искренние парни!»

Те Хэнцю, конечно, имел свои мысли на этот счёт.

Он с озабоченным видом сказал: «Но Зал Правосудия считает меня убийцей пятого старшего брата. Я не знаю, как доказать свою невиновность...»

«А что тут доказывать? — отрезал Хэ Чуми. — Любой зрячий видит, что это не ты».

«Зрячий... — подумал Те Хэнцю. — Судя по твоим словам, в этой школе все слепые и глухие».

«Значит, с меня сняли подозрения?» — с притворной нерешительностью спросил он.

«Да, — вздохнул Хэ Чуми. — Теперь ты служитель Юэ-цзуня, так что с тобой ничего не случится».

«...Какое нелепое правосудие», — подумал Те Хэнцю.

«Кстати, — спросил он, — а где Чжан Юаньшань, старший ученик Зала Правосудия? Я помню, он гнался за мной до самого павильона и был ранен Юэ-цзунем. Почему он сегодня не пришёл с извинениями?»

Те Хэнцю думал, что старейшина приведёт Чжан Юаньшаня с повинной, но вместо него пришёл Хэ Чуми.

При упоминании Чжан Юаньшаня лицо Хэ Чуми слегка напряглось. «Его правая рука была повреждена энергией меча зимней сливы, — сказал он. — Она искалечена, он больше никогда не сможет владеть мечом».

«А! Неужели...» — удивился Те Хэнцю.

«Юэ Бочжи даже не обнажил меч, а искалечил правую руку старшего ученика Зала Правосудия? Неудивительно, что старейшина лично пришёл извиняться».

Те Хэнцю с притворным сожалением вздохнул: «Не думал, что всё так обернётся. Чжан Юаньшань всё-таки старший ученик Зала Правосудия. Теперь, когда его правая рука искалечена, его будущее, наверное, разрушено?»

«Да, — кивнул Хэ Чуми, его лицо было серьёзным. — Энергия меча зимней сливы Юэ-цзуня чрезвычайно сильна. Хоть Чжан Юаньшань и не слаб, но перед Юэ-цзунем он ничто. Его меридианы на правой руке повреждены и не подлежат восстановлению. Ему пришлось вернуться в свою семью».

Услышав это, Те Хэнцю даже немного позавидовал. «Этим отпрыскам знатных семей действительно повезло. Даже лишившись своего совершенствования, у них есть семья, на которую можно опереться».

Он бесстыдно произнёс свои мысли вслух: «Эх, хорошо, что хоть жив остался! Вернётся в свой знатный род, будет жить как молодой господин, в достатке и без забот».

Услышав это, Хэ Чуми долго и странно смотрел на него, а затем тихо вздохнул: «Вы всегда думаете, что отпрыски знатных семей, лишившись своего совершенствования, могут жить в роскоши. Но вы не знаете... что их ждёт по возвращении».

Те Хэнцю всегда считал Хэ Чуми избалованным и невежественным юнцом, но сейчас, впервые, тот посмотрел на него сложным, отстранённым взглядом, который словно говорил: «Ты ничего не понимаешь».

Это заставило его сердце необъяснимо дрогнуть.

Но тут же он усмехнулся и беззаботно пожал плечами.

Эти аристократы вечно притворяются. В конце концов, они просто привыкли к роскоши и не могут вынести ни малейших трудностей.

Он потрогал мозоли на своих руках, вспомнив свою прошлую жизнь, которая была куда реальнее их «вы не понимаете страданий наших знатных семей».

Но он всё же изобразил простодушную улыбку и подыграл Хэ Чуми: «Да, у больших семей свои трудности. А мы, простые люди, хоть и живём скромно, зато спокойно, без всех этих интриг».

С этими словами он хлопнул себя по затылку и широко улыбнулся, изображая полное довольство своей жизнью.

Хэ Чуми кивнул. Его взгляд упал на Те Хэнцю. Видя, что тот легко одет, он нахмурился.

«Младший брат, — сказал он ровным, словно бы невзначай, тоном, — ты слишком легко одет. Холодает, не простудись».

Те Хэнцю опустил взгляд на свою одежду и улыбнулся: «Ничего, четвёртый старший брат, я привык. Такой холод мне нипочём».

Глядя на его притворную стойкость, Хэ Чуми почувствовал ещё большую жалость.

Он достал из рукава изящную сумку из семени горчицы и протянул её Те Хэнцю, всё тем же ровным тоном: «Возьми. Там ничего ценного, просто старая одежда и всякий хлам, может, пригодится».

Те Хэнцю взял сумку. Она была довольно тяжёлой. Он и раньше получал от Хэ Чуми подарки и знал, что тот был щедр. Содержимое этой сумки, вероятно, стоило как казна небольшой школы.

Хэ Чуми посмотрел на Те Хэнцю, опустив глаза, и бессознательно теревил край рукава: «На самом деле, у тебя есть талант, и характер неплохой. Если ты... если ты...»

Видя, что он мнётся, Те Хэнцю с любопытством спросил: «Что? Четвёртый старший брат, что ты хочешь сказать?»

«Если ты не захочешь больше сажать здесь деревья, — Хэ Чуми опустил голову, избегая его взгляда, его голос был почти шёпотом, — можешь прийти ко мне...»

«К тебе?» — удивился Те Хэнцю.

Хэ Чуми покраснел ещё сильнее, открыл рот, словно хотел что-то объяснить, но не знал, с чего начать.

В этот момент из павильона вышел старейшина Хэ.

Увидев его, Хэ Чуми тихо вздохнул: «Ладно, ничего. Ты... ты береги себя, не заставляй меня волноваться. Если что... можешь прийти ко мне!»

С этими словами он повернулся и быстро подошёл к старейшине Хэ.

«Прийти к нему, если что? — Те Хэнцю, нахмурившись, смотрел ему вслед. — Он что, предлагает мне свою защиту? Какая самонадеянность. Я теперь прислуга Юэ Бочжи, зачем мне твоя защита».

После ухода старейшины Хэ и Хэ Чуми у павильона снова воцарилась тишина.

Мин Чунь с бамбуковой метлой подошёл к Те Хэнцю сзади и тихим, холодным голосом произнёс: «А вы с вашим четвёртым старшим братом, я смотрю, очень дружны...»

Его голос был тонким, как нить, и от него по затылку пробежал холодок.

Те Хэнцю вздрогнул и, обернувшись, увидел Мин Чуня. Он удивился.

Хоть они почти не общались, он почему-то почувствовал необходимость объясниться: «Он просто жалеет меня...»

Мин Чунь улыбнулся и, ничего не сказав, продолжил подметать.

Тан Сюэ, потушив огонь в печи, с обычной своей мягкой улыбкой сказал: «Старший брат Мин Чунь, ты не знаешь. Младший брат Те Хэнцю и его четвёртый старший брат — друзья не на жизнь, а на смерть. Их дружба, естественно, особенная».

Те Хэнцю посмотрел на мрачное лицо Мин Чуня, затем на тёплую улыбку Тан Сюэ, и почувствовал, что что-то не так.

«Какая... какая дружба не на жизнь, а на смерть?» — с сомнением спросил он.

«Вся школа знает, — улыбнулся Тан Сюэ, — что когда Хэ Чуми был ранен и упал со скалы, ты, не раздумывая, бросился его спасать. Такая дружба действительно трогает».

«Неудивительно, что он решил отплатить добром за добро», — холодно добавил Мин Чунь.

«??? — подумал Те Хэнцю. — Почему это звучит как сарказм??? Или мне кажется???»

«Ах, „отплатить добром за добро“!» — усмехнулся Мин Чунь и, постукивая метлой по земле, нараспев произнёс: «Мне персик в дар принесли, а я одарил яшмой в ответ. И дело не в даре, а в вечной дружбе!»

Тан Сюэ своим мягким голосом подхватил: «Мне сливу в дар принесли, а я одарил нефритом в ответ. И дело не в даре, а в вечной дружбе!»

Два голоса слились в один, и песня эхом разнеслась по пустынному снежному пику. Чем чище она звучала, тем более странной казалась.

Услышав это, Те Хэнцю почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

«С чего это они вдруг запели? — подумал он. — Этот снежный пик что, большая сцена?»

«Похоже, это не сарказм, а просто обычное сумасшествие», — решил он и успокоился.

<http://bllate.org/book/16975/1587586>